

**КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

ПРОЛОГ

Потасовка продолжалась вот уже добрых четверть часа. Здоровенный полицейский, стоя в проеме двери, блокировал выход из квартиры, а невысокая, но крепко сбитая женщина пыталась поймать за руку мальчика, который только что вырвался от нее и с громким ревом прятался за подол старшей сестры. Свободной рукой женщина крепко держала за локоть другого, как две капли воды похожего на первого и одетого в такую же пеструю пижамку с собачками, и точно так же голосившего во всю силу своих маленьких легких.

Полицейский стоял с отсутствующим видом. Было совершенно ясно, что он не желает принимать участия в сваре, но Оля не сомневалась в его готовности пресечь любую попытку помешать тетке из опеки делать свое дело.

— Пусти, зараза! — кричал двенадцатилетний Витя, пока Оля, повиснув на руке женщины и одновременно придерживая рукой четырехлетнего братишку, прячущегося за ней, пыталась освободить второго близнеца. — Не тронь, а не то...

— А не то что? — Голос тетки звучал издевательски, как будто она получала удовольствие от того, чем занималась.

Будь Витька покрупнее, он сумел бы справиться с этой бабой, однако он пошел не в громилу-отца и, в то время как большинство одноклассников за лето вымахали на пять-шесть сантиметров, оставался маленьким и шуплым.

— Вы не имеете права! — в отчаянии закричала Оля.

— Отпусти, дура! — вторил брат.

Полицейский наконец решил вмешаться и схватил пацана за шкирку одной рукой, а другой сгреб в охапку хрупкую фигурку девочки-подростка.

Мальчишки-близнецы оглушительно взревели, видя, как старших сестру и брата сворачивают в узел.

— Заткнись, поганец! — прошипела тетка. — Я тебе не подружка, чтобы хамить мне!

— А я у себя дома! — резонно возразил покрасневшийся паренек. — Это вы ко мне пришли, а не я к вам!

— Ну, так и будешь глаза пучить или все-таки можешь? — раздраженно обратилась к полицейскому дама из опеки. — У нас, между прочим, не так много времени, а дел еще воз и маленькая тележка!

Служитель закона отпустил Олю и Витю, схватил одного близнеца под мышку, а второго, как котенка, поднял в воздух и хорошенько встряхнул. От встряски и неожиданности малыш замолчал.

Оля, недолго думая, обхватила толстую ляжку полицейского руками и повисла на ней, как обезьяна на дереве. Крики и вой, раздающиеся из квартиры, могли поднять даже мертвого. В двух соседних квартирах проживали пенсионеры, почти безвылазно сидящие дома, а напротив — молодая мамаша, находящаяся в декретном отпуске. Она частенько прибежала и возмущалась, что в соседской квартире слишком

шумно — это случалось, когда пьяный отец приходил и колошматил в дверь что есть мочи.

«Как минимум три человека могли слышать, что происходит, — думала Оля. — Кто-нибудь обязательно придет на помощь...»

Ни одна дверь не открылась.

* * *

— Придется сменить стиль одежды и отказаться от яркой помады, — говорила Марина, окидывая критическим взглядом алое платье клиентки с большим вырезом, из которого чуть ли не вываливались идеально вылепленные пластическим хирургом груди четвертого размера. — По крайней мере, на время суда.

Кроваво-красные губы раздвинулись в хищной усмешке, обнажив белые, мелкие и острые, как у хорька, зубы.

— Я что, должна выглядеть как монашка? — поинтересовалась клиентка.

— Нет, — покачала головой Марина, чувствуя, как внутри поднимается волна раздражения: она терпеть не могла тупых девиц, которым приходится объяснять очевидные вещи. — Ты должна выглядеть как учительница младших классов — это вызовет сочувствие у судьи. А также у репортеров, которые, можешь не сомневаться, будут присутствовать на процессе!

— Мне что, одеться во все белое? Надо быть похожей на ангела?

Марина подумала, что даже божественное прикосновение не сделает эту бабу хоть сколько-нибудь похожей на небесное создание.

— Белое может показаться чересчур вызывающим, — произнесла она вслух. — Лучше что-нибудь

бежевое или коричневое. Но не скучное — они ни в коем случае не должны решить, что ты намеренно приделась. Косметика тоже пусть будет неяркой, в пастельных тонах...

— Господи, неужели это так важно?! — возмутилась клиентка. — Какая разница, что на мне надето — разве пусик не «занес» всем, кому надо, чтобы меня оправдали?

Да уж, «пусик» — отдельный разговор: если бы не он, Марина ни за что не взялась бы защищать эту пустоголовую куклу. Но такова уж адвокатская планида — нельзя быть слишком разборчивой, а то пришлось бы всю жизнь трубить в общественных защитниках или заниматься корпоративным правом.

Последнее, кстати, едва ли лучше защиты отъявленных уголовников, ведь приходится иметь дело с бандитами из высоких кругов, облеченных властью и деньгами, против обычных граждан, у которых априори нет средств, чтобы им противодействовать!

«Пусика» звали Михаилом Тарановым. Знаменитого эстрадного продюсера и композитора-песенника с Мариной связывали приятельские отношения, зародившиеся лет двадцать назад, когда он, уже тогда знаменитость, обратился за помощью к ней, никому еще не известному молодому адвокату.

С тех пор Таранов несколько раз пользовался услугами Марины, но никогда раньше помощь ему не казалась ей столь непосильным бременем.

Дело было стопроцентно проигрышным, а она проигрывать не любила. Любовница Михаила сбила на машине старика-инвалида. Он, слава богу, выжил, однако в данный момент находился в больнице и, что вдвойне неприятно, отказывался принимать материальную помощь, предложенную стороной ответчика.

Непонятно откуда взявшиеся адвокаты истца (как подозревала Марина, нанятые конкурентами и недоброжелателями Таранова) пытались представить ситуацию как уголовное дело: якобы Мария Мамыкина, певица из последнего проекта Михаила, намеренно переехала инвалида.

Марина склонна была согласиться с этим мнением: несмотря на очевидную тупость, девица отличалась вздорным нравом и полагала, что ей позволено больше, чем остальным членам общества. Марина строила защиту на том, что случившееся было досадной случайностью, а задний ход Мария дала не потому, что желала «уделать» старичка, посмеявшего с ней связаться, а лишь по женской глупости и под влиянием стресса. Типа, она не понимала, что делает, хотела нажать на тормоз, а дала задний ход на полном газу.

Марина понимала, что доказательная база хромает, ведь у противной стороны имеются свидетели происшествия, жаждущие дать показания: Мамыкину ненавидит весь подъезд, в котором она проживает, и подавляющее большинство жителей других подъездов, хотя и видели ее от силы пару раз.

Создавалось впечатление, что претензий к певице не имеют только те граждане, которые вовсе не подозревают о ее существовании — к счастью, таких подавляющее большинство, но, к сожалению, они никак не способны помочь выиграть дело! Марине требовалось добыть хоть какие-нибудь свидетельства того, что Мария является добропорядочной гражданкой, и для этого понадобятся все ее умения и незаурядная изобретательность.

Выпроводив наконец неприятную клиентку, Марина прикрыла глаза и несколько раз глубоко вдохнула, пытаясь восстановить душевное равновесие.

В такие минуты ей начинало казаться, что пора уходить из профессии: в конце концов на пенсию она себе заработала, а мысль о необходимости встретиться с кадрами, подобными Мамыкиной, казалась невыносимой.

Сняв трубку, Марина набрала номер ближайшего японского ресторана:

— Два набора «Терияки», четыре порции «Кавасаки» в темпуре и... и еще, пожалуй, две «Филадельфии», — на одном дыхании произнесла она.

— В подарок желаете колу или...

— Холодный чай, — не дослушав, сделала выбор Марина: являясь постоянной клиенткой заведения, она наизусть знала меню и бонусы, предлагаемые в случае большого заказа.

Заручившись обещанием, что заказ доставят в течение получаса, Марина откинулась на спинку вертящегося кресла и, подняв руки над головой, с наслаждением потянулась.

Сиденье жалобно скрипнуло при этой ее манипуляции: Марина весила добрых полтора центнера, и, хотя абсолютно не переживала на этот счет, дорогое итальянское кресло, обтянутое натуральной телячьей кожей кофейного цвета, обладай оно даром речи, определенно предпочло бы, чтобы она больше волновалась.

Курьер прибыл минут через десять: ресторан располагался за углом.

Жизнерадостный пацанчик лет девятнадцати (очевидно, студент), сияя улыбкой, вручил Марине огромный пакет.

— У вас, наверное, банкет? — поинтересовался он, пытаясь заглянуть за широкую спину адвокатессы в надежде увидеть остальных участников будущего пиршества. — Что празднуете?

— Поминки, — буркнула Марина, протягивая малышке деньги и со злорадным удовлетворением наблюдая, как улыбка сползает с его лица.

— Примите мои... — начал он, но Марина захлопнула дверь прямо перед его носом. Ну, почему всем и каждому так необходимо замечать, что ей требуется больше еды, чем простым смертным? Она же платит, черт подери, так какое им дело?!

Однако от пакета исходил умопомрачительный запах, и плохое настроение Марины понемногу улетучивалось, уступая место предвкушению гурманского наслаждения. Она уже открывала верхний контейнер, как вдруг раздался тихий глухой стук.

— Ну, кто там еще? — раздраженно спросила Марина, оглядываясь.

Дверь открылась, и она увидела высокую, очень худую женщину в платке.

Господи, ну, как можно добровольно так себя уродовать?!

На вид визитерше было чуть за сорок, однако в этом наряде она выглядела гораздо старше и совершенно не привлекательно.

— Извините, вы... вы Марина Павловна Бондаренко? Адвокат? У меня к вам дело, очень серьезное...

— А вы, простите, кто будете? — изогнула изящно выщипанную бровь Марина.

— Ольга я... Ольга Сергеевна. Иночкина... — Женщина говорила сбивчиво, то и дело запинаясь.

Марина знала, что такое бывает обычно в двух случаях — когда люди эмоционально неуравновешены или когда мысли человека намного опережают его речь и он, пытаясь их обуздать, вынужден постоянно останавливаться, чтобы «догнать».

— А как вы, собственно, сюда прошли? — любопытствовала она, оглядывая более чем скромный наряд посетительницы: она приняла бы ее за уборщицу, если бы та сама не сказала, что пришла по делу.

— Охранник... отошел по нужде, — с запинкой пояснила женщина. — Он не виноват, правда, — я просто дождалась, пока он, ну... уйдет.

Марина с тоской покосилась на пакет с японскими блюдами: какой черт дернул эту бабу припереться аккурат в тот момент, когда она решила заморить червячка?! С другой стороны, уж больно она несчастная на вид — может, и впрямь что серьезное стряслось?

Марина подавила тяжелый вздох и спросила:

— Вы обедали?

— Ч-что? — переспросила удивленная клиентка.

— Ну, обедали вы сегодня или нет?

— Я не... нет еще. А что?

— Как вы относитесь к японской кухне?

* * *

Мономах закрыл файл и выключил компьютер: похоже, на сегодня все.

Взглянув на часы, он увидел, что они показывают половину восьмого — это никуда не годится!

Сархат, конечно, уже выгулял Жука, но пес любит, чтобы хозяин приходил домой в строго определенное время, да и начальство не стоит баловать, показывая, что ему нечем заняться, кроме работы...

Ах да, начальства-то нету! С тех пор как Муратова отстранили от должности (читай: сняли), исполняющего его обязанности пока так и не назначили. Временно сложные проблемы решали начмеды, и такая ситуация Мономаха вполне устраивала. Правда,

долго так продолжаться не могло: рано или поздно, в больнице появится «новая метла», и нет никаких гарантий, что она не окажется еще почище бывшего главного!

Порой Мономаху казалось, что начальники — особая порода людей, которых выращивают в своего рода инкубаторах, откуда они выходят с набором специфических качеств — хамоватостью, непоколебимой самоуверенностью и пренебрежением к чувствам и нуждам окружающих.

Мономах заведовал отделением крупной многопрофильной больницы, но себя он к этой категории, разумеется, не относил. А вот Муратов в полной мере соответствовал его представлениям о «начальственной» персоне!

Надев пальто, он в последний раз окинул взглядом кабинет, проверяя, не забыл ли чего, и вышел в коридор. Он как раз возился с замком, когда на него налетела Алина, хорошенькая медсестричка, с некоторых пор являвшаяся еще и богатой наследницей¹.

Честно говоря, Мономах ожидал, что она уволится и станет жить на дивиденды, однако ничего подобного не произошло: Алина как работала в его отделении, так и продолжала трудиться, ничуть не кичась тем, что могла бы этого не делать и жить припеваючи. Только вот некоторые медсестры, и даже врачи, недолюбливали девушку, завидуя ее неожиданной удаче и считая, что она ничем этого не заслужила. А вот Мономах полагал, что хороший человек заслуживает счастья просто за то, что у него легкий характер и доброе сердце!

¹ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Предложение, от которого не отказываются» (Издательство «ЭКСМО»).

— Алина, что случилось? — поинтересовался он, глядя на взволнованное лицо медсестры. — У нас пожар?

— Ой, Владимир Всеволодович, вы Севана Багратовича не видели?

— А он что, здесь еще?

— У него дежурство...

— Ах да, верно! Нет, не видел. А что произошло?

— Там пациентка его буйнит, порывается уйти!

— Так пусть уходит — мы никого не держим!

— Но ей только утром сделали операцию, она не может ходить, понимаете?!

— Погодите, это, как ее... Карпенко, что ли?

— Точно, Карпенко!

— И куда же она намылилась?

— Говорит, домой ей надо, у нее дети...

— Ладно, пошли! В какой она палате?

— В четырнадцатой.

Размашистым шагом он двинулся по коридору. Алина семенила следом, едва за ним поспевая.

Когда они подошли к палате, она забежала вперед и распахнула дверь перед Мономахом. Каждая палата была разделена надвое, и из левой доносились возбужденные голоса:

— Ну, куда ты собралась, дурочка! — увещевал кого-то густой, низкий женский голос. — Ты же на ногах не держишься!

— Да пусть идет! — возразил надтреснутый, старческий. — Меньше народу, больше кислорода!

Во втором голосе Мономах безошибочно узнал противную старушенцию Игнаткину, которой он самолично делал плановую операцию по замене сустава. Бабка скандалила по любому поводу, и медсестры

старались пореже заходить в палату, из-за чего страдали и другие пациентки, которым не посчастливилось лежать в ее неприятной компании.

— Так, что тут за сыр-бор? — спросил он, толкнув дверь, отделяющую предбанник с умывальником и дверьми в туалет и душевую.

Его изумленному взору предстала следующая картина. Пациентка лет сорока, сидя поверх шерстяного одеяла, закидывала в полиэтиленовый пакет вещи из тумбочки. Одна ее нога находилась в ортопедическом чулке, и ей было весьма неудобно заниматься своим делом, так как ее правая рука висела на перевязи, загипсованная.

— Владимир Всеволодович, она уходит собралась! — пожаловалась пожилая пациентка, лежащая у окна — похоже, это она пыталась урезонить сумасшедшую мамашу.

— Вы что, ополоумели, Карпенко? — не совсем вежливо обратился он к женщине, затравленно глядящей на него снизу вверх. — У вас сложные переломы плеча и голеностопа, как вы намереваетесь до дома добираться?

— Можно вызвать такси, — проскрежетала Игнаткина, буравя Мономаха черными глазами-бусинками из-под морщинистых век.

Интересно, есть ли на свете хоть один человек, питающий к этой гарпии добрые чувства?

— Точно, — кивнул он, — можно даже связаться с МЧС и вызвать вертолет для вашего удобства, Карпенко, но мне кажется, что вам все же стоит подумать о том, чтобы остаться в больнице и вылечиться.

— Я не могу! — пробормотала больная. — У меня дети...

— За ними некому присмотреть?

— Вы не понимаете...

— Если есть необходимость, можно позвонить в службу опеки и попросить...

— Нет! — пронзительно взвизгнула Карпенко. — Не надо никуда звонить, пожалуйста!

— Да это же временная мера...

— Нет, не надо, не надо!

Мономах и Алина встревоженно переглянулись: пациентка определенно вела себя неадекватно. Она попыталась встать и растянулась бы на полу, не подхвати ее Мономах и не верни на место.

Держа ее, он ощутил, что тело женщины бьет крупная дрожь. Мономах сделал Алине едва заметный знак — к счастью, девушка обладала способностью понимать врачей с полувзгляда.

— Вы не понимаете, я не могу остаться! — бормотала Карпенко, пытаясь высвободиться из мертвой хватки Мономаха. — Они забрали детей, и я даже не знаю... ну, почему вы меня не слушаете?!

Вернувшаяся в палату Алина, пользуясь тем, что он крепко удерживает женщину на койке, стараясь не повредить ее оперированную руку, привычным движением воткнула в здоровое плечо пациентки шприц с реланиумом.

— В психушке таким место! — авторитетно заявила «гарпия», откидываясь на подушку с разочарованным выражением на физиономии: «концерт» окончен, и дальнейших развлечений не предвидится.

Некоторое время Карпенко брыкалась, но потом лекарство возымело действие, и она притихла. Реланиум не вызывает снотворного эффекта, поэтому она оставалась в полном сознании.

— Пожалуйста, послушайте меня! — простонала она. — Мне нужно... срочно нужно домой!

— Что случилось? — спросил Мономах, усаживаясь на краешек койки. — Ваши дети что, одни, без присмотра?

— За ними... Оля смотрит.

— Кто такая Оля?

— Дочка моя... старшая.

— Ну и в чем же тогда проблема?

— Они забрали моих младших! — всхлипнула женщина. — Мне нужно домой...

— Кто забрал? — перебил Мономах. — Кто это «они»?

— Органы опеки! Они пришли и забрали их, я забегала по инстанциям, а тут эта авария так некстати... Оля всего лишь ребенок, она не может сама со всем разобраться... Да не станут они с ней разговаривать, понимаете?! А еще Витя...

— Вы сейчас тоже вряд ли сумеете что-то исправить, — возразил Мономах. — Во-первых, просто не дойдете, а во-вторых, сейчас уже девятый час, и все государственные структуры закрыты... У вас есть какая-нибудь соседка, которой можно доверять?

Карпенко задумалась на несколько секунд, потом нерешительно кивнула.

— Позвоните ей, попросите приглядеть за детьми. Завтра с утра мы попробуем вам помочь. Договорились?

Он сурово посмотрел в полные слез глаза пациентки.

Та, помешкав, снова кивнула.

— Вот и ладненько!

— Ну вот, а я сразу говорила — неблагополучная семья! — злорадно проворчала «гарпия».

— С чего вы взяли? — возмутилась больная, пытавшаяся с самого начала вразумить Карпенко.